

УДК 811.161.1

Воропаева О.В.

Московский государственный областной университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНЦЕПТОВ “ДУХ” И “ДУША” В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

O. Voropaeva

Moscow State Regional University

WORD-FORMATIVE POTENTIAL OF THE LINGUISTIC CONCEPTS “SPIRIT” AND “SOUL” IN THE HISTORY OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Аннотация. В данной статье предложен опыт систематизации деривационных возможностей концептов «Дух» и «Душа» с точки зрения их функционирования в русской православной лингвокультуре, начиная с древнерусского периода и заканчивая настоящим временем. Исследованию была подвергнута обширная словообразовательная парадигма слов-имён, богатая и многоуровневая структура которой не только помогает устанавливать представления, концептуализированные языковыми единицами, но и даёт возможность проследить их трансформацию во времени.

Ключевые слова: лингвоконцепт, дух, душа, деривация, словообразовательная парадигма.

Abstract. The article deals with the derivation possibilities systematization of the concepts «Spirit» and «Soul» in the Russian orthodox culture from the Old Russian age up to the present. The paper includes the extensive observation of nouns of derivational paradigm with rich and complicated structure which help not only to determine notions, linguistic conceptualization unit, but also allows to trace their transformation through time.

Keywords: linguistic concept, the spirit, the soul, derivation, derivational paradigm.

Совокупность слов и выражений определённого языка отражает систему взглядов народа, который им владеет, его духовные ориентиры, то есть его языковую картину мира. Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, «ассоциативно», поэтому человек, член того или иного языкового сообщества, при формировании индивидуальных представлений об окружающей его действительности обязательно становится включённым в определённую не только языковую, но и лингвокультурологическую сферу, даже не замечая этого. Пользуясь словами со «стертыми», неявными смыслами, человек, так или иначе, принимает заключённый в них взгляд на мир.

Говоря о русской православной лингвокультуре, мы подразумеваем функционирование и активное взаимодействие двух основных концептов – «Дух» и «Душа». Несмотря на то что в современной науке существует несколько подходов к определению термина «концепт», он представляет собой, прежде всего, ментальную единицу, потому что человек мыслит не готовыми словами, фразами, а некими условными (в своё время по-разному названными) кодами, квантами и т. п. Концепты, как ментальные единицы, включают в себя психологическое, то есть скрытое, неявное, глубоко индивидуальное, и семантическое, относительно выраженное словом, значения. Язык в понимании концепта выступает как дополнительный источник знания, например, этимология слов помогает проследить процесс формирования

определённого представления в рамках одной лингвокультуры. Концепты – ментальные образования, типы, которые хранятся в памяти человека и народа и отражают, как примеры, иллюстрации, «фрагменты опыта» [9, с. 17]. С точки зрения лингвокультурологического направления, концепт обязательно обладает ценностным аспектом. Его структура в целом, как и каждая отдельная составляющая, оценивается с точки зрения поведенческих норм, бытовых традиций, моральных принципов, поэтому концепт так тесно связывается с культурой народа, так предполагает лингвокультурный подход, что процесс изучения национальной концептосферы должен идти от общей культуры к индивидуальному сознанию [5; 9].

Предметом нашего исследования стал словообразовательный потенциал лингвоконцептов «Дух», «Душа» в истории русского литературного языка, который определяется по способности слов производить новые слова. Эта сфера представляет особый интерес, поскольку изучение деривации помогает определить, какие внеязыковые представления находят отражение в семантике языковых единиц. Актуальность темы подтверждается большим количеством научных работ современных исследователей [3; 6; 8], которые напрямую связывают словообразовательный потенциал выбранных лексем с их культурологическим наполнением и значимостью для носителя русского языка.

Как отмечалось нами ранее [2], этимология репрезентантов исследуемых концептов сводится к 'дыханию' [16, с. 164, 153; 15, с. 275; 14, с. 556, 530]. В Ветхом Завете душа обозначается древнееврейским словом «нефеш», которое можно перевести, как «дышащая», «воздыхающая»; «дух» – еврейским словом «руах» и греческим «пневма» с первичным значением «дыхание», «ветер». Таким образом, обе лексемы происходят от одного общеславянского корня. Однако в процессе исторического развития слова наполнились различными смыслами и разошлись в семантико-стилистическом плане, несмотря на то

что по-прежнему обозначают нечто, дающее жизнь.

В современном русском языке лексемы «душа» и «дух» имеют богатые словообразовательные гнезда, их количественный состав – 145 и 25 единиц соответственно [13, с. 323 и 324-325]. Основным критерием оценки значимости и актуальности этих гнезд был не столько их количественный состав, сколько продуктивность словообразовательных моделей, находящихся в них реализации, и употребляемость, частотность функционирования в современном русском языке входящих в них слов. Рассмотрим словообразовательные гнезда слов «дух», «душа» более подробно.

С точки зрения современного русского литературного языка, основа *душ-* является немотивированной, новые слова от неё образуются по продуктивным словообразовательным моделям морфологическим способом. При этом наиболее частотный способ деривации – сложение основ: *душещипательный, душеполезный, душевнобольной, двухдушный, криводушие, душеспасительный, слабодушный* [13, с. 324, 325].

Обращение к лексическому составу русского языка XI-XVII вв. показывает, что словообразовательная парадигма лексемы «душа» уже на том этапе активно пополнялась за счёт слов, образованных по модели «сложение основ» – *душевноедение, душеглот, душетлитель* [10, с. 387, 389]. Это свидетельствует о деривационной активности мотивирующей основы, её многоплановом использовании носителями языка.

Не менее продуктивным способом образования новых слов от мотивирующей основы «душ-» в современном русском языке является аффиксация, в частности суффиксальный способ, посредством которого образуются единицы со значением субъективной оценки: *душенька, душечка, душонка, душка* [13, с. 324]. При этом приведённые выше лексемы составляют особую стилистическую группу – с уменьшительным и часто уничижительным семантическим оттенком.

Суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы активно используются при образовании прилагательных и глаголов от деривата *душ-*: *душевный, душевой* (от значения 'крепостной крестьянин' [12, с. 412]), *обездушить, одушевить, одушевлять, подушный* [13, с. 324].

Многие слова из лексикона древнерусского языка, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, потеряли актуальность в современном русском языке. Так произошло с лексемой 'доушьникъ', обозначающей вместилище лёгких, 'место в организме человека между сердцем и селезёнкой' [7, с. 753]. Мы привыкли, что слово уходит в пассивный запас языка, когда ему находится лексическая замена или исчезает реалья, которую оно обозначало. В данном случае объяснение утраты этой лексемы, на наш взгляд, в том, что при формировании языковой картины мира современного русского человека стало важнее осознание наличия души как внутреннего мира и психических свойств, а не её места средоточия в теле.

Для лингвиста интерес представляют слова, имеющие оттенок устаревших: *душевредный, душегрея, душепагубный, душеспасение, криводушник* [13, с. 324], в структуре которых можно почерпнуть информацию о языковой картине мира человека того времени, которая дала материал для их возникновения. Несмотря на то что мотивированное значение в их структуре просматривается довольно хорошо, современнику не до конца ясна их семантическая наполненность. С этим, по-видимому, и связан переход слов в пласт лексики, ограниченной по сфере употребления и стилю: мы встречаем эти лексемы в церковных книгах, духовной литературе, исследованиях по истории.

Нельзя обойти вниманием, что в русском языке XI-XVII вв., во времена активной борьбы за самобытность человеческой души, укрепления религиозных идеалов, в деривационной парадигме лексемы «душа» активно функционировали слова, образованные семой 'человек': *душелюбец, душемножество,*

душие (собирательное имя существительное) и др. [10, с. 390, 391]. Таких примеров в современном русском языке уже не встретишь, у нас осталась единственная подобная номинация человека в выражении «ни души» со значением 'никто, никого' [12, с. 413]. Интересен и тот факт, что в языке XI-XVII вв. существовало чёткое разделение слов, мотивированных основой *душ-*, на лексемы с положительной и отрицательной коннотацией: ср. *душеглот, душегуб, душетлитель, душеяд, душетленный, душехищный* и *душеспасительный, душепитающий, душепитательный* [10, с. 388, 390, 391]. По количественному составу этих групп можно судить и о мировоззрении русского человека того времени, радеющего за спасение души, борющегося с угрозой её унижения и уничтожения, и в целом об истории государства и развитии религиозной и философской мысли в России.

Отметим продуктивную словообразовательную модель в парадигме лексемы «душа» – образование глаголов аффиксальным способом как напрямую от мотивирующей основы, так и через посредство более сложных дериватов: *душа – одушевить, душа – бездушный – бездушничать, душа – великодушный – (с)великодушничать, великодушествовать, душа – двоедушный – (с)двоедушничать, душа – криводушный – (по/с)криводушничать, душа – малодушный – (с)малодушничать, (по/с)малодушествовать, измалодушествоваться, душа – простодушный – простодушничать* [13, с. 324, 325]. Наличие столь разветвлённой деривационной схемы показывает, какое значительное место в психическом и культурном мировосприятии русского человека отводится лингвоконцепту «Душа». Глаголы этого ряда вобрали в себя многие экспрессивные и модальные оценки поведения человека, особенно ярко отражены отрицательные коннотативные оттенки, что лишний раз подчёркивает особое умение русского человека осознавать и анализировать собственные ошибки, критиковать результаты неверных решений и сомнительных поступков.

Для современного русского языка характерно функционирование наречия *душевно*, образованного с помощью регулярного и продуктивного аффикса *-о-* и имеющего общеупотребительное лексическое значение. Однако в лексиконе XI-XVII вв. находим ещё одно наречие – *душски* со значением ‘душевно, душой’ [10, с. 392], которое, по-видимому, вышло из активного употребления, поскольку дублировало ранее произведённое слово, к тому же менее регулярный суффикс *-ски*, следующий за основой, давал труднопроизносимое стечение согласных.

Рассматривая словообразовательную парадигму, мы обращаемся, прежде всего, к кодифицированным источникам литературного языка. Но картина будет неполной, если обходить стороной некоторые «закрытые» подсистемы языка, в частности лексику ограниченной сферы употребления. Так, интересным оказывается ныне жаргонное слово «*душман*» (‘враг, противник’), которое включается в парадигму исследуемого концепта лишь благодаря своему созвучию с лексемой «*душа*»; на самом деле оно давно заимствовано из персидского языка, что доказывается данными словаря русского языка XI-XVII вв. [10, с. 392].

Концепт «Дух» раскрывает свой словообразовательный потенциал в современном русском языке в двух направлениях, основанных на следующих семантико-когнитивных признаках слова-имени: «психические способности сознание; сверхъестественное существо» и «воздух; дыхание, запах» [13, с. 323].

Рассмотрим первую деривационную схему. Основной морфологический способ образования новых слов в этой цепочке – аффиксальный. При этом часть дериватов, образованных с помощью суффикса *-овн-* или включающих его в свою структуру, и, следовательно, вобравших в себя его значение ‘признака или свойств, которые характеризуются тем или относятся к тому, что названо мотивирующим словом’ [4, с. 331], имеет положительную коннотацию: *духовный, ду-*

ховно, духовность, духовник, духовенство [13, с. 323]. Примечательно, что в древнерусском языке и русском языке вплоть до XVII века функционировала лексема ‘*духовница*’, которая обозначала ‘небольшое здание для церковных принадлежностей’ [7, с. 747], а отнюдь не ‘священника, принимающего исповедь у кого-л. постоянно’ [12, с. 311], духовного наставника женского пола, что видится современному человеку за структурой этого слова, поскольку *-иц-* – ‘регулярная и очень продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением <...>: 1) лицо женского пола, которое образовано от названия соответствующего лица мужского пола <...>» [4, с. 219].

Другая часть лексем, появившихся в результате сложения основ *дух-* и *бор-* (от глагола *бороться*), несёт в семантике негативную коннотацию: *духобор, духоборка, духоборство, духоборец, духоборка, духоборчество, духоборческий* [13, с. 323], поскольку имеет отношение к «одному из направлений русского сектантства, отрицавшего догмы и обрядность православной церкви» [1]. Подобное явление объясняется просто: отрицание Бога, неверие в высшие силы не принимается русской душой и русским православным сознанием, что имеет глубокие исторические и лингвистические корни, в доказательство чему находим в древнерусском языке лексему *доухоборьць* и её синоним *доухоратьникъ* [7, с. 748], функционирующие вплоть до XX в. [11].

В современном русском языке в словообразовательной парадигме слова-имени концепта «Дух» отметим также слово *духовидец* и его женский вариант *духовидица*, которые образованы сложносуффиксальным способом от основ *дух-* и *вид-* (от глагола *видеть*) и обозначают ‘лицо, которому приписывается свойство общаться с духами, предвидеть будущее’ [11], отсутствующие в древнерусском языке и языке XI-XVII вв., но успевшие устареть к XX в. – в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова они даются с пометой «устар.» [11]. В современных словарях

русского языка они не отражены, что может быть связано с появлением более актуального синонима 'ясновидящий(-ая)' [1].

Вторая словообразовательная цепочка лингвоконцепта «Дух», сгруппированная вокруг его значения 'воздух; дыхание, запах', включает 8 единиц. Семантика 'воздуха' и 'дыхания' воплотилась в слове 'духовой' – 'действующий посредством вдувания струи воздуха' [12, с. 313]. Оно функционирует в своём вторичном значении, так как прилагательное 'духовой' в древнерусском языке в своей семантике заключало непосредственное отношение к 'духу', то есть обозначало всё, что пронизано духом, несёт духовное начало [7, с. 747]. Несмотря на то что лексема 'духовик' обозначает 'музыканта, играющего на духовых музыкальных инструментах' [8], а именно таких, которые начинают звучать при движении воздушной струи, в современном русском языке она не включена в активный лексический запас и имеет узкоспециальное назначение: в толковых словарях современного русского языка она отсутствует вовсе, в словарях начала XX в. дана с пометой 'муз.' [11]. Кроме того, в этой группе находится слово 'духовка', образованное суффиксальным способом со значением 'действующее посредством нагретого воздуха' [12, с. 313], которое появилось относительно недавно для обозначения новой бытовой реалии.

В современной словообразовательной парадигме слова 'дух' находим не менее интересное, с точки зрения деривации и семантики, слово 'духмяный' [13, с. 323]. Оно образовано с помощью нерегулярного, непродуктивного суффикса –мян– и имеет значение 'ароматный, душистый', 'издающий сильный, приятный запах; душистый' [12, с. 310; 1]. Непродуктивность аффикса наложила отпечаток на стилистическую принадлежность лексемы: в словаре современного русского языка она снабжена словарной пометами 'обл.', 'нар.-разг.' [12, с. 310; 1]. В языке XI–XVII века активно функционировал её синоним – 'духоватый'; дериватор –оват– (в имени прилагательном,

которое обозначает признак, характеризующийся наличием качества, названного мотивирующим словом» [4, с. 325]), с точки зрения современного русского языка, регулярный и продуктивный, что и позволило слову дольше не устаревать и оставаться в активном лексическом запасе. На основе семы 'запах' образовалась лексема 'душица' – 'травянистое луговое растение сем. губоцветных, с мелкими лилово-розовыми душистыми цветками, собранными в соцветия' [12, с. 331]. Процесс палатализации согласного [x] несколько изменил звуковую оболочку слова, однако в его структуре отчётливо просматривается первичный семантико-когнитивный смысл.

Таким образом, анализируя деривационные возможности лексем 'душа' и 'дух', мы отметили, что обе составляют разветвлённые, многоуровневые словообразовательные гнёзда. Несмотря на то что часть образованных на их основе слов потеряла актуальность в системе современного русского языка, она не стала менее значимой для понимания процесса формирования русской языковой картины мира.

Словообразовательный и в целом языковой потенциал лингвоконцептов «Дух» и «Душа» раскрывает богатство православной души и высокий уровень духовной культуры русского народа. Материалы для исследования взяты из лексикографических источников русского языка, но картина не может быть полной без обращения к художественной литературе. В связи с этим предполагается рассмотреть, каким образом выбранные для изучения лексемы с их внутренней семантикой и когнитивным смыслом функционируют в русских духовных стихах, какие образы они концептуализируют.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С.А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 21.10.2013).
2. Воропаева О.В. Концепты «Душа» и «Дух»: к вопросу о семантическом объёме слова (на примере духовной поэзии) // Русский язык: история, диалекты, современность. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – Вып. XII – С. 25-30.

3. Гриценко Н.И. Названия металлов в русском языке: Семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: дис... канд. филол. наук. - Майкоп, 2003. - 206 с.
4. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. - 2-е изд., испр. - М.: АСТ: Астрель, 2005. - 636 с.
5. Карасик В.И. Языковой крут: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
6. Коломонова О.Н. Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дисс... канд. филол. наук. - Смоленск, 2009. - 214 с.
7. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / под ред. И.И. Срезневского. - СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. - Т. 1: А-К. - 1420 с.
8. Пономарёва Н.В. Семантический и словообразовательный потенциал имён топологических зон ВЕРХ / НИЗ: на материале русского литературного языка: дисс... канд. филол. наук. - Иркутск, 2007. - 245 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика - М.: АСТ Восток-Запад, 2007. - 314 с.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т русского языка. - М.: Наука, 1977. - Вып. 4 (Г-Д). - 424 с.
11. Словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.usakovdictionary.ru/> (дата обращения: 14.10.2013).
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. - 4-е изд., стер. - М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. - Т. 1. А-Й. - 702 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145000 слов. - 2-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1990. - Т. 1: Словообразовательные гнезда. А-П. - 856 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. - 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. - М.: Прогресс, 1986. - Т. 1: А-Д. - 573 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. - 5-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2002. - Т. 1: А-Пантомима. - 624 с.
16. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лекс. фонд / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. - М.: Наука, 1978. - Вып. 5 (*dǣlo-*dъrъzъlъ). - 232 с.